

18+

Нина Юшкова

СМЯТЕНИЕ И ПОКОЙ

СТИХИ

Нина Юшкова
Смятение и покой. Стихи

«Издательские решения»

Юшкова Н.

Смятение и покой. Стихи / Н. Юшкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532254-8

Стихи и поэмы о любви, о природе, размышления о жизни, немного юмора, много грусти, немного фантастики и поровну трагедии и умиротворения

ISBN 978-5-00-532254-8

© Юшкова Н.
© Издательские решения

Содержание

ЛЮБОВЬ	6
Романс	6
Пепел	8
Свадебные фотографии	9
Пожар	10
Литературное	11
Сон, который приснился усталой женщине в коридоре музыкальной школы за секунду до прекращения звука	12
Привидение	16
На кладбище	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Смятение и покой

Стихи

Нина Юшкова

© Нина Юшкова, 2021

ISBN 978-5-0053-2254-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЮБОВЬ

Романс

Спасибо, родной мой, за позднюю встречу,
За то, что наш путь Провиденьем отмечен,
За ту необъятность, что кличут любовью,
За то, что играет волна в изголовье
Палатки, затерянной в Ладожских шхерах,

За жизнь без оглядки, прогноза и меры,
За ту красоту, что даётся немногим,
За то, что колёса сжирают дороги.
Пускай вместо роскоши жаркого Крыма
Поля иван-чая проносятся мимо,
Ни пальмы, ни розы – ромашки и клевер,
За то, что любить научил русский север

И жгуче-холодные, чистые воды,
Опасное, страстное чувство свободы
В безлюдных просторах озёр бесконечных,
За чудо-мгновенья, что с нами навечно,

За то, что единым желаньем палимы,
Картину собрать по кусочкам смогли мы.

Сны мои – ветки черемух в лицо и роса и сладость
Медя и терпкость вина, и черемух дурман, дурман...
Сны мои – смех твой и легкость моя и радость.
А просыпаясь, слепая, дурная, бреду сквозь туман.

Все я могу – и летать, и любить, и ломать, и строить.
Силу и молодость-счастье-свободу плещу через край.
Избы тушу я плевком. Коня не вопрос успокоить.
Все отдаю по дешевке. Верните потерянный рай.

Есть под землей в моем личном аду заветные точки.
Три остановки метро, где не поздно еще повернуть.
Где вместо общей судьбы я выбрала путь одиночки.
Ложь. А кому теперь лгать? Оба знаем печальную суть.

Здесь на земле столько яблок, что хруст их почти не слышен.
И уж конечно же в каждом – познания-прозренья сполна.
Я ж обожрись до икоты пьяных и приторных вишен,

Пусть в голове чудесята-бесята, зато не одна.

Вместо дуэлей, стяжания славы, денег, успеха —
Дом для семьи, к суетным близким любовь до конца, конца...
...А за стеной, стеной... – гром веселого буйного смеха!
Ночью же... теплым касанием от шеи и до крестца...

Пепел

Луна сквозь сосны в озере плыла.
Смотря на угли, женщина сидела
С лицом совы и со змеиным телом,
С глазами, изгоревшими дотла.

Она варила пищу на костре.
С неловких рук, покрытых волдырями,
Казалось, кожу слизывает пламя,
Светящуюся в лунном серебре.

Она сняла одежду на ветру
И в воду ледяную погрузилась.
Лицо гримасой муки исказилось
От стужи, пробежавшей по нутру.

Она плывет и знает наперед,
Что сменит теплота палящий холод,
Что утолится самый лютый голод,
Ожоги заживут и боль пройдет.
А он не сможет пережить опять
Неотвратимость своего ухода,
Ему теперь дарована свобода
Земную круговерть не повторять.

Она разучится и плакать и жалеть.
И станет звонким смехом заливаться
И яростно другому отдаваться,
И песни дикие, волнующие, петь.

Он понимал, что скоро он умрет.
Не будет для него освобожденья
От горестного, тяжкого мученья,
И Смерть мученье это оборвет.

А ей – растить детей, творить, цвести.
И чувствовать его с собою рядом.
И пеплом сердца своего и пеплом взгляда
Все посыпать, что встретит на пути.

Свадебные фотографии

Мы были так красивы и юны!
В тебе – покой натянутой струны,
Я – трепет, щёчки пухлые, наив,
Отныне мир мы делим на двоих.

На тонкий палец не идет кольцо,
И ноги наливаются свинцом,
Но в списке отрицательных примет,
Такой приметы вроде бы как нет.

Мой лёгкий поцелуй неуловим.
Не успевает «птичка» вслед за ним,
Лишь твой обескураженный анфас,
И вот уж гости поздравляют нас.

Порханье платьев и цветов каскад,
Вот выхвачен отца печальный взгляд,
Торжественных костюмов череда.
Объятия сердечней, чем всегда.

И как лучатся будущим глаза!
Его, хвала богам, не предсказать.
Тебе осталось девятнадцать лет...
И я старею без тебя, мой свет.

Порой ты озарял, порой слепил,
Воспоминаний рой и жгуч и мил,
И карточки со мною говорят,
И в зеркало случайный брошен взгляд,

Бесстрастно из зеркальной пустоты
Сказали мне – та девушка не ты.

Пожар

Любимый, не осталось фотографий.
Сгорел театр. И с ним сгорел твой дом.
Одной из самых лучших эпитафий
Явилась песня, спетая огнем.

Любимый, мы любовь играли плохо.
Фальшивили. И путали слова.
Ты – трагиком в костюме Скомороха.
Я – костюмером на замене Льва.

Но Зритель хочет настоящей крови,
Ему не нужен бутафорский дым.
И трагик умер вдруг на полуслове.
А костюмер костюмы шьет другим.

Как много в этом городе суровом
Случайных мест, где я с тобой жила,
И только дом, что стал семейным кровом,
Сгубив тебя, и сам сгорел дотла.

Бездомность – это тоже лицедейство.
Сгорел костюм, но не доигран акт.
И наше театральное семейство
На небе и земле смеется в такт.

Эй, там, на небе! Все на авансцену!
Вы слышите? Я подаю звонок!
На ваши роли нет у нас замены.
Мы продолжаем с вами диалог.

Литературное

Сестрица Настасья Филипповна,
Мы чем-то с тобою похожи,
В России твоих прототипов – тьма!
А что ни мужик, то Рогожин!

Он бешен во страсти и в ярости,
Ни заповеди, ни закона,
Без памяти, разума, жалости
Сжигает свои миллионы,

Судьбу свою бросит под ноженьки
И требует, чтобы любила,
И по сердцу – ножиком, ножиком!
Пусть баба почувствует силу!

Душа, содержанкой нечестною,
Над слабою плотью глумится,
Плетётся дорогою крестною,
Советчиков сторонится,

Мечтает о князе – спасителе,
Гоня за порог претендентов,
Живёт он в далёкой обители
Для скорбных умом пациентов.
Мне душу повыжгло усталостью,
Ты носишь тесак, не таяся.
Рогожин! Потешь меня малостью —
Зарежь иль уйди восвояси.

Сон, который приснился усталой женщине в коридоре музыкальной школы за секунду до прекращения звука

...Которого же все-таки любила?
Того, в кого вцепилась, задушила,
Чей огонь своей водою залила,
И воду, свет и воздух отняла,
Прильнувши так, как стелется выюнок
По стеблю, что один бы выжить смог?
Или другого, от кого бежала,
Почувяв лишь росток слепого жала,
Что насмерть ранит ядом равнодушья,
И, раздирая глотку от удушья,
Обратно свой заталкивала крик,
А бреда зверь все караулил миг,
Чтоб перервать мне глотку наяву?

Но – выжила. Сейчас как все живу.

Как все. Почти. А кто не вспоминает
Свои любви первые и тает
От умиленья пред своею мукой?
А остальные слушают со скукой.

...Считать минуты и копить подарки...
Пережидая дождь в случайной арке,
Дрожащим пальцем колупать известку
И вспоминать – последний раз на «Тоску»...
...Огни. Оркестр. И бархат голубой...
Я знала: то – последний день с тобой.
«Тоска» – сказал ты, взглядом провожая
Девчонку в мини-юбке. Умирая,
Я улыбнулась: «В следующий раз...»
И поперхнулась. Набуханье глаз
Не выдать чтобы, занялась шарфом.
То был последний раз. Как раз потом
Ты и уехал. «Извини, подруга
Не получилось...». До сих пор храню
Записку эту. И спасибо дню,
Когда меня ты выдернул из круга
На дискотеке. Обменялись взглядом:
«Спасибо, что ты есть, и что ты рядом».

Ты спас меня, гривастый рыжий зверь!
Одним пинком в каморке выбив дверь,
Где от любви я скрылась несчастливой.
Мой вихрь! Мой смерч! Мой зверь с лохматой гривой!
И, к изумленью зрителей, ручным

Котенком лег, урча, к ногам моим.

Тебяхватило ровно на полгода.
Сильней любви другая страсть – Свобода
В тебе кипела, мстила за измену,
Приказывала вырваться из плена,
Тобой же созданного. Брачные тиски
Тебе казались мрачны и узки,
И ты меня испробовал на прочность.
В моем же воспитании порочность
Имела место. «Береги семью.
Не сбережешь – угробишь жизнь свою».
Ох, это кредо! Благо ль? Наказание?
Брак как единственная форма выживания...

Не отпустила. Падала. Сражалась
С зеленым змием и брала на жалость,
Терпела равнодушие, гнев, уходы,
Да, я была соперницей Свободы.
Но было время – опускала руки,
Была готова внутренне к разлуке.
– Прощай! На торный путь я режу ленту.
Так что ж ты не использовал моменты?

Сильнее воли, бунта и призванья
Держало притяженье обожанья?

Ты мне внушил, что это фарисейство.
И шлюхи предпочтительней семейства.
Но крайности, как водится, похожи.
И многоложье остужает тоже.
И самая убийственная стужа
Во взгляде обессиленного мужа.

Но повседневность не дает поблажки.
Нет времени обдумывать как тяжести
Вериги наших мертвых отношений.
Лишь день за днем все больше расхождений,
Все меньше общего тепла, стола и крова.
Зато – одеты, сыты и здоровы.

Однажды с одноклассницей-подружкой
Мы собрались на скромную пирушку.
Сидели. На столе «Киндзмараули».
И выпили немного, а уснули.
Проснулась. Нет подруги. Наблюдает
За мной чужая женщина. Седая,
Высокая, красивая, но все же
Неуловимо на меня похожа.

– Ну что, давай хоть выпьем за знакомство?
(Почудилось мне – нотки вероломства
Сквозили в голосе глубоком с хрипотцою)
Ведь мы давно соперницы с тобою.
А ты сильнее оказалась, чем казалось.
Цена ль не высока за эту малость?
Ради чего и от чего ты отказалась?
Ты ж поняла, что не сошелся клином
Весь белый свет на нем, неповторимом?
Давай с тобой пожмем друг другу руки,
Мне кажется, хорошие подруги
Из нас получатся. Нечасто предлагаю
Я дружбу женщине. – И как в огонь шагая,
Я протянула руку ей. И взвыла —
Таким суровым то пожатье было.

Но новую подругу мне ни разу
Не довелось увидеть. Смерть, зараза,
Приперлась. Молча, дико, глухо
Сцепились я и смерть-старуха.
И в этой схватке я была страшнее.
И рвали мои челюсти сильнее
Ей горло, до отчаянья бесплотное.
И отступая, эта тварь голодная
Сожрала мое мясо, кровь и жилы,
Души ошметки и остатки духа.
Да мне не жалко, подавись, старуха!
Но, уходя, она лицо открыла,
И я, сползая в состоянье комы,
Узнала лик своей ночной знакомой.

Лекарство, перевязка и все прочее
Прделано. – «Ну спи. Спокойной ночи».
– Останься. Посиди еще, родная.
Я не был мужем идеальным, знаю.
Да что там «идеальным». Я скотина.
– Ты среднестатистический мужчина.
И дурачок. – Я прожил бы опять
Всю жизнь с тобою, если б выбирать
Пришлось мне снова. И могла б любой
Дорога быть, но лишь с тобой. С тобой.

Но стоит ли пустыни и страданий
Дрожь в голосе, отвыкшем от признаний?

...Заначку бы достать из-за картины.
А не успею, все проплет, скотина.
Обед, приборка, стирка, магазины...
На часик сутки увеличить мне бы.

Но дочку – в музыкальную – святое.

И сон ли, явь ли, из-за двери, с неба —
Пронзительный, щемящий звук гобоя.

Привидение

Играла скрипка. Может, и не скрипка.
В вечернем воздухе вибрируя так зыбко,
Плыл звук и запах булки с колбасою.
Все это, странно связано с тобою,
Как и торговка на углу с какой-то гнилью,
В моей душе рождало камарилью
Грызущих мыслей, тягостных видений,
Неясных образов, смурных ассоциаций.
Самой себе внушая не бояться
Грызущих мыслей, тягостных видений,
Неясных образов, смурных ассоциаций,
Глуша позывы самообвинений,
В случившегося сути разобраться
Пытаясь, шла по улице шатаясь.

Вошла в ту комнату. А он сидит на стуле.
Почти спиной. Понурившись. Сутулясь.
Не удивилась. Страх и радость сжали
Тисками сердце. Кинулась вначале,
Но не дотронулась – а вдруг он растворится?
Рассыплется? Исчезнет? На мгновенье
Пусть мой журавль небесный стал синицей,
Да не в руке, не в клетке! На колени
В беспамятстве. Из дебрей подсознания
Рвались к губам мольбы и заклинанья.
– Так не бывает! – билась я и выла. —
Но Боже! Сделай так, чтоб это было!!!
– Зачем ты меня крестишь? Ты ж не веришь?
Не плачь по мне. Я одесную Бога.
Мы с ним беседуем. Пришел теперь лишь
Я выключить уют. Еще б немного —
И начался пожар. А ты уснула,
Рассеяна и как всегда нелепа.
Я руку безрассудно протянула
И, как крадет голодный пайку хлеба,
Ладонь схватила, теплую, живую,
И мы держались за руки как прежде.
Един был пульс. Сливалась кровь. Тоскуя,
Сплетались пальцы нежно-нежно-нежно...
– Возьми меня с собой – в горячке брежу. —
Все видишь ты. Все знаю я и между
Тобой и мной преграды нет. Ни водки,
Ни похоти, ни денег, ни искусства,
Одно лишь всеобъемлющее чувство
Родства. Единства. Одинокой лодки,
Где мы вдвоем плывем через пространство,

Преодолев земное окаянство
И суетность. Но из моей ладони
Он высвободил руку и глазами
Сказал: «Живи». В мучительной агонии
Затрясся и исчез. И между нами
Четвертое возникло измерение.

Я не свободна, все-таки... – прозрение
Мелькнуло запоздалое. Уходят
Поодиночке все. Один – и бездна...
Кого земные страсти хороводят,
Того тащить отсюда бесполезно.
Свобода есть преодоление притяжения.
Я – неподъемный груз для привидения.

А кот ушел за ним. И нас покинул.
Как будто душу дома кто-то вынул.

Я часто замечаю после смерти
Твоей, среди повседневной круговерти,
На свой мобильник кинув взгляд случайный,
В симметрии представленное время.
И равных чисел смысл мне ясен тайный —
Ты здесь. Уйдя туда, не сбросил бремя
Земных забот и подаешь знамение
Защиты, оберега, направления.

Да, кладбища полны незаменимых...
Средь истин многочисленных и мнимых
Я эту чувствую кишками, мясом, шкурой.
Хоть сучкой назови меня, хоть дурой,
Я счастлива с другим, и мне с ним лучше.
Да только вот пробоина в каркасе.
Кто ищет приключений, тот получит —
«За каменной стеною», на матрасе.
Да только вот дыра не зарастает,
И сквозь нее со свистом выдувает
Все, что когда-то называлось мною.
К примеру, состраданье. Вдохновенье.
Желание запоминать мгновенье.
И вызываемое полною луною,
Бездумное доверие к карнизу,
К слепому страху тех, кто смотрит снизу.

Из той сквозной дыры в районе пресса,
В два кулака, и с рваными краями,
Тоска моя крутейшего замеса
В пространство льется едкими ручьями.
И разъедает кожу мне снаружи.

Палит огонь прижизненного тленья
И ледяная нутряная стужа
Отчаянья. Раскаянья. Прозренья.

* * *

Вышло солнце. Разогнало тучи.
День весенний сказочно хорош.
Что за странный и нелепый случай —
Ты по переулкам не пройдешь

Города любимого большого
От пяти углов к семи мостам,
Говоря приветливое слово
Пьяницам, бродягам и котам.

И на зелень свежую газона
Ты окурочек не зашвырнешь,
С песенкой из «Русского шансона»
Про веселую блатную молодежь.

И пиво из горлышка хлебая,
Да по солнечной по этой стороне,
Не махнешь ушедшему трамваю,
Улыбаясь мыслям и весне.

Ну а я, в трамвае проезжая,
Зная, что тебя на свете нет,
Радостно и горько обмирая,
Вдруг знакомый вижу силуэт.

Жалела? – Мстила. Инстинкт гиены —
Добить, добить ослабшего льва.
Бабья злоба кипела в венах,
Горящей смолой текли слова.

– Что – погулял? Прошло твое время!
Бросил с ребенком! Пил! Предавал! —
Молотом в темя! Молотом в темя!
– Где твои девки? Что не позвал?

Ночью прижалась к худому телу.
Слезы просачивались из-под век.
Что же я делаю, что же я делаю...
Ты мой единственный человек...

– Можно я... – Нет. – Выбор мученье-

Боли до судорог, немощь до слез.
Традиционное наше лечение —
Сорок градусов – лучший наркоз.

Вот уже ходишь едва-едва ты.
Вот уж с постели почти не встаешь.
– Ты же подохнешь, подохнешь, проклятый!
Чего ты боишься?! Чего ты ждешь?!

Ошметки ярости харкая с кровью,
В дребезги чашки. – Звонить не смей!
Лечи любовью! Лечи любовью!!!
К черту больницы! К черту врачей!

* * *

Свободы хотела? Зажрись, сука.
Крови хотела? Купайся в крови.
В вое «скорой» – смертная мука.
Любимый! Живи! Живи! Живи!

На кладбище

Гвоздём вспорола ногу. След кривой
С кровавыми подтёками пролёт
По белой плоти. Так же точно
Вспорол он память, подсознания корку,
Присохшую, тяжёлую броню,
Которая надёжно скрыла боль.
И боли не было.
Пора сорвать её.
Расковырять открывшуюся рану.
А если раны нет? Иль монолит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.